

Любимым местом прогулок сотрудников газеты в 60-е годы было "Дворянское гнездо". Всего несколько минут неспешным шагом ("Орловская правда" тогда размещалась в Доме Советов), и ты из жаркого, грохочущего центра города (по Ленинской еще ходили трамваи) попадал в прохладный зеленый рай.

ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК

«ДВОРЯНСКОГО ГНЕЗДА»

Вот уцелевшая старинная аллея могучих лип, окаймляющая калининский домик. Радуют возмужавшие березы и тополя, посаженные орловцами на субботниках сразу после войны. Спокойно несет свои неглубокие воды Орлик, подмывая левый скалистый берег. А на правом — привольно раскинулись сады, на лугах пасутся овцы и козы. Милая сердцу горожанина сельская идиллия...

Места эти овеяны многочисленными легендами и былями, они тесно связаны с великими именами: Тургеневым, Лесковым, Бунинным. Еще в 19-м столетии этот поэтический уголок Орла народная молва нарекла "Дворянским гнездом".

Инициатором походов на "Дворянку" всегда был Слава Пуршев — редакционный художник. Еще в бытность студентом художника приходил он сюда с этюдником, зарисовывал здешние неповторимые виды, беседуя в старинном вкусе, скульптурное изображение Тургенева.

Многие наброски потом использовал при оформлении книг, в частности, поэтических сборников своего друга Димы Бlynского, а также литературных страниц "Орловской правды" и "Орловского комсомольца".

Талантливый художник дружил со многими орловскими писателями, краеведами, людьми интересными, знающими. Одним из них был Леонид Николаевич Афонин, уже тогда известный орловский литературовед, отличный знаток и популяризатор творчества Тургенева, Лескова, Фета, Андреева, Бунина. Практически все его исследовательские статьи

публиковались на страницах "Орловской правды", и многие проиллюстрированы Вячеславом Пуршевым.

Думается, что задушевные встречи молодого художника с опытным литературоведом значительно расширяли кругозор сотрудника газеты в познании истории нашего края, воплощались в реалистические рисунки к произведениям писателей.

С Пуршевым приятно было бродить по тихим аллеям "Дворянского гнезда". Он знал многое, мог часами рассказывать об историях, связанных с этими местами, поражая своих слушателей отличной памятью. Слава нередко ставил нас в тупик, спрашивая, к примеру, как начинается знаменитый тургеневский роман "Дворянское гнездо". Мы ломали голову, безбожно фантазировали, перебирая текст, и в конце концов смущенно мямлили: мол, давно читали, еще в школе проходили.

А Слава подначивал: — Стыдно, журналисты, не знать творчество нашего земляка... А роман, напечатанный в "Современнике" в 1859 году, начинается так: "Перед открытым окном красивого дома в одной из крайних улиц губернского города О. (дело происходило в 1842 году) сидели две женщины..."

Он рассказывал о прототипах романа, о том, что писали по этому поводу

Лесков и Бунин. Почти дословно цитировал строки из автобиографического романа Бунина "Жизнь Арсеньева": "Мы пошли куда-то на окраину города, в глухую, потонувшую в садах улицу, где на обрыве над Орликом, в старинном саду, осыпанном мелкой аперельской зеленью, серел давно необитаемый дом с полуразвалившимися тру-

лось корпеть над очередной корреспонденцией. Хотелось на свежий воздух, на природу.

К нам в отдел сельского хозяйства после обеда заглянул Пуршев, в расстегнутой рубашке, в руке пестрый носовой платок, которым он то и дело вытирал потное лицо. Как бы отчитался:

— Ну, я свое дело сде-

Вячеслав Пуршев и Дмитрий Бlynский.

лами, в которых уже вили гнезда галки. Мы постояли, посмотрели на него через низкую ограду, сквозь этот еще редкий сад, узорчатый на чистом закатном небе... Лиза, Лаврецкий, Лемм... И мне страстно захотелось любви..."

...Май 1967 года выдался жарким, солнце палило не по-весеннему, в прокуренных редакционных кабинетах было душно, и оттого не очень-то хоте-

лось корпеть над очередной корреспонденцией. Хотелось на свежий воздух, на природу.

К нам в отдел сельского хозяйства после обеда заглянул Пуршев, в расстегнутой рубашке, в руке пестрый носовой платок, которым он то и дело вытирал потное лицо. Как бы отчитался:

— Ну, я свое дело сде-

ся, Виктор Высоков. В коридоре возле кабинета С.В. Коробкова встретили тихую молоденькую секретаршу Люду из приемной редактора. Слава уговорил ее пойти с нами...

"Дворянка" встретила нас непрерывным щебетом веселых птиц, тихой прохладой, манящей глубиной степенного Орлика. Мы наслаждались красотой увиденного, шутили, разыгрывали друг друга, о чем-то говорили, говорили...

Ничто не предвещало беды...

...Редакционный художник — фигура в газете особая. От его работы зависят неповторимый облик издания, его привлекательность. Особенно в те далекие 60-е годы. Тогда и понятия не было о компьютерном наборе, компьютерной верстке. Многие делались вручную. Подчас рисунки вырезались на линолеуме, наклеивались на дощечку и заверстывались в полосу. Все это входило в обязанности редакционного художника.

Газеты того времени выглядели куда скромнее нынешних, были внешне непривлекательны. Два-три маленьких фото на всех

Идею Пуршева поддержали я, Михаил Ромашин, Владик Пономарев, жаж-

четырёх полосах, иногда вообще без снимка. Небольшие заголовки, длинные слепые колонки сплошного текста, никаких броских аншлагов.

Редактор "Орловской правды" С.В. Коробков как мог ломал этот сложившийся стереотип оформления. И в этом главным помощником ему стал Слава Пуршев.

Его художественный талант проявлялся даже в рутинной работе, где, казалось бы, достаточно ремесленного умения. Ретушь так ретушь. Притом ювелирная. Штриховой заголовков? Будет и такой, отменный, украшающий полосу.

Помню работу с ним над иллюстрацией к моему очерку "Водители", который помещен в "Орловской правде" 1 января 1965 года. Герои материала — ветеран войны, заслуженный шофер из Дмитровска Иван Андреевич Работский и его сыновья. Тоже водители большегрузных автомашин.

Принес ему подписанный редактором материал, попросил как-то украсить (фото — не было), чтобы смотрелся на полосе. Слава сделал два наброска. Посмотрели, обсудили — не очень понравилось и самому художнику.

Через час заходит с рисунком на три колонки. Все мои товарищи по отделу единодушно одобрили сделанное — рисунок понравился соответствием тексту, своей экспрессией. А очерк начинался так: "Андрейч спешил. До Нового года оставались считанные часы. Он глядел на дорогу, на сугробы снега, фиолетовые в свете фар, на пушистые снежинки, которые ветер безжалостно придавливал к радиатору машины, и они тут же умирали-таили, и все жал на газ. Ему хотелось обязательно встретить Новый год в кругу семьи, в теплой уютной квартире, и чтобы обязательно была елка, нарядная, с разноцветными огнями, чуть-чуть припудренная искусственным снежком. Андрейч спешил..."

В моем архиве хранится номер "Орловской правды", над которым Пуршев трудился особенно напряженно и творчески. Он посвящен 400-летию Орла (отмечался в сентябре 1966 года). Номер вышел в цвете, что по тем временам случай экстраординарный. Славянской вязью на первой странице художник начертил слова "Городу Орлу — 400 лет!". Внизу рисованными старинными буквами строки из летописи: "По великому государю царя Великого князя Ивана Васильевича всея Руси поставлен быть город на поли на реке Орле".

Справа крупным планом рисунок: крепость на стрелке, плывущие по Оке струги...

Художник всё композиционно продумал, исторически выверил. Номер был отмечен на летучке, а Пуршев получил денежную премию.

Александр МАКУШЕВ.
(Окончание следует).